

Аргентина. Срочно. По делу

ВАЛЕРИЙ РУБИН

Секретный сотрудник

Валерий Рубин

Аргентина. Срочно. По делу

«Автор»

2020

Рубин В.

Аргентина. Срочно. По делу / В. Рубин — «Автор»,
2020 — (Секретный сотрудник)

ISBN 978-5-532-07348-7

Алекс, главный герой, агент английской МИ6, отставленный от дел, далеко за 40, авантюрный склад ума и характера, опытный, не дурак выпить и поклонник красивых женщин, любитель пофилософствовать, русский по рождению и менталитету. Алекса как журналиста посылают в Аргентину для выполнения редакционного (и не только) задания. Путь не близок: Лондон — Перпиньян — Мадрид — Буэнос-Айрес — Ушкуйя — Санкт-Петербург. Кругосветное путешествие, не иначе. Прибыв на место, он встречается с Мириам, знакомой по работе в Израиле агентом Моссада, администратором расположенной в горах винокурни. Алекс подозревает, что у хозяина виноградника Оливареса нацистское прошлое, он состоит в организации "Немецкое наследие предков" и прячет «Скрижали Завета», считающиеся потерянными. Овладеть артефактом задача не из легких, пришлось отстреливаться. Новое задание: Алекс должен разрушить артефакт, но перед этим сохранить цифровую копию на флешке и доставить в Санкт-Петербург, куда Алекс возвращается после скитаний.

ISBN 978-5-532-07348-7

© Рубин В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Валерий Рубин

Аргентина. Срочно. По делу

Глава 1

Этот роман из линейки иронической прозы с вкраплением мистики, фэнтези и реальности. Фантасмагория, одним словом.

Имена, персонажи, события и происшествия, отображенные в нем, – плод фантазии автора. Любое сходство с людьми живыми или мертвыми, городами и странами (континентами) совершенно случайно. Вся ответственность за то, что вам нравится или не нравится в книжке, – на вас, уважаемый читатель. Как говорится, взялся за гуж... А как бы вы хотели?

Сидя на берегу реки ждать, когда мимо проплывет труп твоего врага? Не для меня. Не хочу показаться занудой, но какой в этом толк, какая польза? Время течет как река, которую не повернуть вспять, а у Истории нет сослагательного наклонения, – известно всем. Жизнь не уложена в голове и вокруг, даже в космосе полно мусора. Как свидетель вам говорю, как эксперт. Вы не были на Энцеладе? То-то и оно, что не были. А я был. В командировке. Жить, конечно, там на природе можно: вода есть, пейзажи красивые, леса тоже, растительность, бананы растут. Все есть, как на Земле. Но – ни одной живой души. Как шаром покати. Не с кем словом перемолвиться. Дом построить – проблема. Некому. Я же не строитель, а, скорее, мыслитель. Интеллигент в таком-то поколении. Гвоздя самостоятельно прибить не могу. Потерпел я чуток, сказал Боссу спасибо, возопил к нему: Христом Богом прошу, верни меня на родную планету... Сжалился. Сказал, однако: обратно на Энцелад теперь ни ногой, не рассчитывай. И вернул – за услугу. Мол, когда понадобится, свистну. Представляете, вернул меня в Лондон, с легендой, как полагается, со служебной характеристикой, комар носу не подточит, хоть сейчас в командоры производи. А в командоры – очередь из своих местных желающих. Так и промаялся старшим агентом в управлении Z. И что я имею через двадцать лет безупречной службы? Маленькую квартирку на окраине британской столицы и пенсию, которой едва хватает на выпивку и бургер в соседнем баре. Это разве жизнь, я вас спрашиваю? Добро пожаловать в клуб военных пенсионеров. А не купить ли мне парочку лотерейных билетов? Может, наконец, повезет?.. Личный опыт общения с *Lotto*шниками, этими жуликами, подсказывает, что они в любом случае останутся в выигрыше, а *Mercedes-Maybach* мне не видать, как своих ушей. В лучшем случае, подбросят для поощрения дополнительную игру за 5 фунтов, чтобы не унывал – и покупал билетки, покупал, покупал... Надоело. А что, если взорвать Землю, и делу конец?..

Никому не дано счесть ни дней своих, ни часов. Может, и хорошо это... Они ведь как песчинки на берегу океана. Твои, мои, наши, ваши... Песок в песчаных... нет, в песочных, конечно же, часах. Песчаные бури, а часы – песочные. Самое точное и самое дешевое время. В то время. Потому что песка было, да и сейчас, впрочем, хоть залейся. Со времен еще ДО Иисуса где-то в Азии, говорят, изобрели переливание из пустого в порожнее, когда появилась в том надобность. Вручную в первое время, из ладони в ладонь, пока стеклянные колбы мастера не научились выдувать. Точность – не конечная цель, она лишь приближает человека к идеальному отсчету времени, но как известно, человек предполагает, а Господь располагает. Создавать Совершенство – его прерогатива и привилегия. Так появились швейцарские хронографы из розового золота с прозрачной сапфировой задней крышкой и фазами Луны за 166 тысяч баков, то бишь, шкур карибу, северного оленя, резидента тундры и тайги в Северной Америке.

Шутка ли сказать, все было в те времена дешево, и часы песочные, в том числе, и шкуры олени буквально копейки стоили, один всего доллар, и никто фальшивомонетчиков не гонял:

самому можно было в домашних условиях отчеканить, сколько хочешь, и стать миллионером. Только сегодня догадались, – а сколько лет безвозвратно потеряно! – биткоины штамповать. Как кирпичики для дома в пустыне из верблюжьих лепешек. Безо всякого денежно-банковского сопровождения: насобирал, отформатировал – и твори, продавай, покупай... А что? В виртуальном мире, поди, живем. Многие уже под «никами» прячутся. Все разрешено, что не запрещено, если не брезгуешь.

Но вот попробуй, сочти свои песчинки, узнай, сколько на роду тебе написано, – не получится. Перемешались они с соседними, неразлучны как прутья в березовом банном венике. Так задумано, ничего не поделаешь. Человеческая цивилизация. Одно время в Древней Греции было модно, – для тех, кто побогаче, естественно, услуги и тогда денег стоили, – посещать салон сестер Мойр, которых звали Лахесис, Клото и Атропос. Записывались на прием заранее, чтобы узнать свою судьбу. Любопытно было. Сестры-то знали, конечно, все о посетителях, тайная полиция не зря хлеб свой жевала, а сестры через своих агентов-кротов в полиции доступ к досье на каждого имели. Но чтобы не расстраивать просителей, чтобы снова приходили, говорили им неправду. Во спасение души и процветания бизнеса. Ложь во спасение во все времена признавалась легитимным инструментом для поправки психического здоровья пациента. Нечестно, конечно, но исповедоваться в грехах Мойрам было не перед кем, конкурентов не было тоже, и они в отсутствие других заявок на подряд, на тендер по-современному, со спокойной совестью приватизировали ясновидение и прогноз погоды. С благословения богов, разумеется.

В общем, прями они, прями нити судеб человеческих, с утра до глубокой ночи: настоящее, прошлое и будущее. Каждый божий день до глубокой старости. И все их боялись, потому что оборвать нить им было проще пареной репы: не так посмотрел, не то сказал. Как чихнуть или высморкаться в кружевной платочек. В белоснежных одеяниях, под музыку прибоя сидели они рядышком друг с другом, поскольку жили одни на острове посреди моря, и у каждой из сестер была своя оригинальная функция. Зевсу, однако, согласно мифологии, это не очень, даже совсем не нравилось, поскольку подрывало его авторитет среди подчиненных богов и богинь, и он начал было самолично взвешивать судьбы людей на золотых весах, когда, естественно, было время, потому что надо было еще повоевать, посетить красивых женщин на Земле, первой супруге, премудрой Метис отчитаться: где был и что делал... Дел было по горло, и тут Фемида, – вторая его жена, что с повязкой на глазах, мечом в одной руке и весами в другой, – пришлось очень даже кстати и стала его в судах подменять. А для пущей важности, чтобы никто ничего не перепутал, кто здесь главный, Зевс приказал над своей статуей в храме своего же имени разместить надпись: «Предопределение и судьба повинуются одному только Зевсу». Ему, то есть, единственному и неповторимому вершителю судеб.

Что сказать: нарцисс и диктатор в одном лице. Таких ныне пруд пруди. Ничто человеческое и богам не чуждо. И сестренки Мойр вежливо попросили отойти в сторонку, чтобы не светились. Лямку свою они по-прежнему тянули исправно, так что на могильной плите очередного усопшего от благодарных ему родственников своевременно появлялась свежая памятная запись типа «Браво, Иванов! Чтоб я так жил, как ты помер!» Кратенько, но со вкусом. Не хочу показаться циничным, но так заведено испокон веку: прах к праху, тлен к тлену, и изменить круговорот в природе мы не в силах. Предначертанное свыше происходит всегда. Я, к примеру, не знаю ни одного такого случая, чтобы что-то происходило не по воле Божией, а случайно. У каждого следствия есть причина, и каждая причина порождает следствие. Истинно говорю вам: дважды два – четыре. Отрицателей тоже хватает, не будем отрицать. Судьбы нет, бабушкины сказки, – говорят они. А что есть? Есть цепь случайностей, не зависящих от нас. Однако, эта «цепь случайностей» и есть та самая нить, которую прядут и обрезают в какой-то момент ножницами сестрички Мойры, повинуюсь только им известному алгоритму. Вам не кажется? Алгоритм этот прост, как бином Ньютона: две параллельные прямые, олицетворяю-

щие прошлое и будущее, соединяются в некоей точке, в настоящем. И наступает конец всему: прошлому, настоящему и будущему. Теория Большого Взрыва.

Это реальная история, насколько вообще история может быть реальной, не выдуманной. Но кто же истории выдумывает, ведь это уже История? – историки, конечно. И если история расходится с реальностью, к кому надо обращаться? – правильно, к историкам. Они все подправят и истолкуют в свете нынешних текущих событий и тенденций. Не стоит по такому незначительному поводу расстраиваться, ибо прошлое наше все равно непредсказуемо, а будущее в густой, непролазной болотной жиже. Вы, впрочем, это знаете не хуже меня: мы живем во времена куда ужаснее, нежели преданья старины глубокой, и каждому из нас маячит Апокалипсис.

Когда все это случилось? Как я вообще попал в «Дом-на-реке», в достопочтенный *The River House*? Лучше не спрашивайте, все равно не скажу. Эту часть моего секретного файла пропустим, я и сам его не читал. Я уже был отставлен от действительной службы по возрасту. У нас, в нашей епархии в «Леголенде», на пенсию выходят как балерины, в сорок с гаком. Работа тяжелая. На износ. Начальство, дай бог ему здоровья, это понимает и отстраняет вовремя, чтобы чего не накуролесил на финише. Начальству нужны молодые, здоровые, романтичные, полные надежд и уверенности в себе. А мы... Мы как старые кони: изношены и морально, и физически, хотя, если, – как говорил товарищ Райкин, – если нас прислонить к теплой стенке, то еще ого-го!.. Но грех жаловаться. Я оставался в форме и был всегда готов. Потому, видимо, и удостоился, и вызвал меня к себе Томми. Томми – это дежурный администратор. Человек-призрак. Никто не знает его настоящей фамилии, никто не видел его лица. Как так? Очень просто: каждый день меняет маску. Как сикхи тюрбан на голове поутру: синий, красный, фиолетовый, желтый... Такие сейчас штампуют на 3D-принтерах, как нечего делать. Не сикхов, конечно, а маски на лицо, чтобы никто не узнал, кто перед вами. На то они и администраторы секретной службы Ее Величества. Они незаметны и незаменимы. Их имена нигде не упоминаются. У них, возможно, даже пальцы не оставляют отпечатков. Такова специфика работы.

Послание пришло с нарочным. Вежливое письмо, от которого веяло арктическим холодом, а сердце заколотилось как после бурной пьянки накануне. Меня, ветерана Службы, вызывал Центр.

– Чему обязан сэръ?

– Спасибо, что спросил. Как дела, дружище?

«Как дела?» – мем такой информационный, вопрос, в ответ на который вовсе не обязательно рассказывать, как у тебя обстоят дела, чем занимаешься, чем живешь, что пьешь и с кем спишь. Надо ответить из вежливости ровно так же: «Как дела?», и приличия при встрече будут соблюдены. Так принято. А если начнешь распространяться, что и как, то на тебя посмотрят в лучшем случае как на чудака или умственно неполноценного. И тебе крышка. Тебя «захлопнут» навсегда.

– Как дела? – спрашиваю в ответ. – «Дружище» все лучше, чем «сынوك». Да и какой, к чертям, я тебе сынок, если вдвое старше?

Вообще, эти посиделки в отделе кадров своей таинственностью каждый раз напоминают мне сходку анонимных социопатов-алкоголиков на секретной явочной квартире.

– Привет! Меня зовут Алекс...

– Привет, Алекс!

– На моем личном счету 34 убиенные души посредством огнестрельного оружия, не считая удушенных и утопленных вот этими вот руками...

Закатываю рукава и демонстрирую руки по локоть в крови.

– Но я пытаюсь завязать с преступным прошлым.

– Мы тоже, Алекс... Мы тут посоветовались с руководством...

Ох, не люблю я такие вступления, «мы тут посоветовались с руководством...» Жди какой-нибудь пакости. До некоторой степени я авантюрист, мне все нипочем, правила соблю-

дать ни к чему, но надо же и меру знать. Я не рисуюсь. Да, убиваю. Да, признаюсь, иногда приходится. Но не всех подряд, а только тех, кто мне не нравится. Да, избегаю людей, с которыми мне противно общаться. Но мне много не надо: свободы хочу, справедливости и Wi-Fi всюду, где я усаживаю свою «пятую точку». Но цена свободы для людей нашей профессии мне хорошо известна: бдительность и осторожность. Администраторы всегда советуются с руководством, с советом директоров, президентом. Ответственность заоблачная, как и денежное довольствие, зачем рисковать? Их меняют, убирают, переманивают из других служб, перемещают наподобие шашек на столеточной доске. Сегодня передо мной сидел розовощекий крепыш с пышной шевелюрой на голове. Рыжий, как и положено выходцу из Шотландии. Голубоглазый, с заметной двухдневной щетиной. Не потому, что не пользуется бритвенными принадлежностями, а как нынче модно, дабы не приняли за женщину. Мол, я – настоящий мужчина. Вот. И усы имеются, и борода. Но я, разумеется, понимал, что передо мной маска. Хамелеон по кличке «Томми». К тому же я научился принимать людей такими, как они есть: и не по одежке, и не по физиономии. Самые страшные из них могут выглядеть смиреннее Папы Римского и даже вызывать симпатию.

Томми не стал тянуть кота за хвост, а сразу перешел к делу. Ценю это качество у людей: к чему рассусоливать, когда судьба трубит в рог и зовет к подвигам. Да и, честно говоря, мы не настолько с ним близко знакомы, чтобы начать с обсуждения последних матчей в Национальной футбольной лиге или разгрома, который учинили Warriors кому-то там, кто попал под раздачу. Так что – к делу.

– У вас впечатляющий послужной список, Алекс. Я могу вас так называть? – вежливо осведомился он скорее для порядка, а не спрашивая разрешения. – Мы оказались в затруднительном положении, и я хотел бы рассчитывать на вашу помощь в одной щекотливой...

– Спецоперации, – пришел я к нему на помощь. – Это мое. Вы очень добры ко мне.

Мне часто приходилось делать то, что не хотелось бы, но такова жизнь агента. Мы вроде бумажных корабликов в бурном море, нас болтает туда-сюда. Полностью согласен с Всевышним: хочешь Его насмешить – расскажи о своих планах. Поэтому одно из моих правил: в любой ситуации сохранять спокойствие и плыть по течению. На этот счет у рыбаков-любителей есть неплохая шутка: *The Rules of Fishing? – Relax...Relax...Relax...*

– Да, именно так. Операции. Неловко признаваться в том, что наши ресурсы на исходе, действующие агенты заняты, а кабинет урезает и без того нищенский бюджет. Словом, у нас для вас есть работа.

Я стал задаваться вопросом, почему Томми для своих темных делишек выбрал именно меня. Какая разница? Потому, что меня не жалко пустить в расход: для Службы я давно уже полуфабрикат, отошел от дел, противник вряд ли будет со мной считаться. С другой стороны, кое-что еще умею, что не под силу молодым, а также широко известен в узких кругах. И я умею держать рот на замке даже в постели.

– Я понимаю. Так было всегда, насколько я знаю. Денежное довольствие на уровне прожиточного минимума и смешная пенсия.

– Не утрируйте, специальный агент Алекс. Не капризничайте. Мы в курсе, сколько вы отложили на закрытый банковский счет на похороны. Не забывайте, что многие в Лондоне и за его пределами хотели бы почтить их своим присутствием, потому что вы всех «достали» своими пьяными выходками. Но мы ни на минуту не забываем, что у вас в неоплатном долгу. Вы – наша гордость. И вы – патриот, не так ли?

Когда взывают к вашему патриотизму, дело нечисто. Проверено. Зуб даю. Чтобы вы побыстрее соглашались. Не зря же Господь даёт нам сил ровно на один день, а потом наступает ночь, чтобы мы не планировали, что будет завтра. Однако, разве не стоит подумать, прежде чем что-то сделать? И потом, я вовсе не желаю умереть от скуки.

– О-о-о. Нет проблем. Приказывайте.

Я же не последний болван, чтобы сходу ответить: мол, сделаем, папочка, в лучшем виде. В МИБ не берут юродивых и олигофренов.

– Приказывать я не могу: вы на «гражданке», но попросить...

– Просите, что хотите, Томми.

– Вам хорошо бы исчезнуть из Лондона. В ваших же интересах. Скажем, почему бы не посетить одну замечательную южную страну, где вас никто не знает? Вы ведь там еще не бывали? Или были?

Как же, не был... Доминикана. Полуостров Самана. Пятизвездочный отель, все схвачено и за все заплачено, как можно такое забыть.

– Начнете новую жизнь. Возможно, наконец, найдете себя. Тем более, что красивые женщины – они и на экваторе красивые. Скольких замужних вы здесь осчастливили, признайтесь, Алекс, а сколько вдовушек? Вам же хочется новых ощущений, правда? Хотите изменить мир? Тогда – вперед! Лучший способ для этого – сменить обстановку. Ваша цель – Аргентина... Устраивает?

Самая лучшая форма учтивости, – говорит Чарльз Диккенс, а ему, как английскому джентльмену и моему соотечественнику верить можно, – независимо от того, где человек воспитывался, не совать нос в чужие дела. Но Томми, как я подозреваю, с Диккенсом лично не был знаком.

– Латинос? Но я в латыни ни бум-бум.

– Чудак-человек. Там на испанском говорят.

Всю жизнь мечтал. Нет, правда, без иронии. Служивцы, кто там бывал, рассказывали, какие темпераментные женщины расхаживают на улицах... А какие призывные взгляды они бросают налево и направо... А танго... Чего стоит одно лишь танго! Умереть – не встать. В нем вся Аргентина. Повезло еще, что не Бразилию предлагают, ничего не боюсь, а вот бразильских банановых пауков боюсь ужасно, они похуже «черной вдовы». А что жить придется на новом месте... Мы, шпионы-разведчики, я имею в виду, для всех вроде как чужие. *Alien*. Так какая разница? Говорят: везде хорошо, где нас нет. Надо посмотреть, проверить. С другой стороны, зачем бежать, если за тобой никто не гонится? – тоже правильно.

– Вы что-то еще хотели спросить, Алекс, или попросить?

– Прибавку к жалованью.

– Нет. Это будет выглядеть вычурно и банально. Все хотят прибавку к жалованью. Бухгалтерия не справляется с отказами.

– Тогда служебную машину? Можно подержанную.

– Опять не повезло. Как назло, все в разъезде. Ни одной неисправной.

– Может, дипломатический паспорт? На случай, если придется отстреливаться.

– Ни в коем случае. Вы путешествуете инкогнито. И не забывайте: яд надежнее пули.

– У вас ужасный юмор, Томми, вам не говорили? Но хоть что-то... Перед дальней дорогой... Может, одолжите свой мачете, а? Быть мишенью, сменить паспорт разве это ничего не стоит? А если придется вторгаться в чью-то частную жизнь, рисковать своей незапятнанной репутацией? Лично для меня лишиться поездок в лондонских омнибусах и заходов по пути домой в любимый бар русских *The Drayton Arms*, – если хотите знать, мой второй дом, – где можно надраться продуктом местной пивоварни и закусить фиш-энд-чипс, вроде как ножом по... Томми, вы вообще в курсе, что в Лондонграде половина из ста пятидесяти тысяч русских – информаторы КГБ? Вы знаете, что в Лондоне есть коты трамвайные, коты автобусные и коты вокзальные? – нет?.. И что они – мои лучшие друзья?

– Не ёрничайте, Алекс! С русскими шпионами мы управимся без вас как-нибудь. Если это вас утешит, по пути вам предстоит заглянуть в Мадрид. Остановитесь на пару дней, язык вспомните, подучите, осмотритесь. Но со связным у вас встреча назначена в Периньяне, тихое, спокойное местечко, называют еще «испанская Франция», там он и передаст вам дирек-

тивы. Вам не придется шарить в сливном бачке в привокзальном мужском туалете в поисках закладки.

– Ну почему же, я не против, если его хорошенько продезинфицировать. Я имею в виду бачок, а не весь вокзал.

Томми, однако, не заметил иронии. Я даже на минуту представил себе, что он робот, поскольку продолжал разглагольствовать, как тетерев в лесной чаще: ему было безразлично, слушаю я его или нет.

– Вы понимаете, нам бы не хотелось, чтобы вы рисковали и привели за собой «хвоста». Береженого и бог бережет, как говорится. Надеюсь, путешествие вам понравится. Не буду вас более задерживать. Документы, наличные деньги и билеты получите, как всегда, в канцелярии у Маргрет. Вы ее знаете. И желаю успеха, он вам понадобится. Не хотите выпить со мной «на дорожку», как принято у русских? Вы теперь работаете на нас.

На вас, так на вас, соглашаюсь я мысленно. Мой отец, – да будет благословенна его память, – говорил мне: никогда не пей в одиночку. В нашей профессии неважно, кто нажимает на курок, главное – кто оплачивает выпивку. Пожелай себе удачи, *Captain America!* Она тебе не раз понадобится.

Насладиться ленью по-настоящему, – кто сказал, не помню, но сказал, – может лишь тот, у кого куча неотложных дел. Это мой случай. Передо мной, по-видимому, маячит период Большой лени. Так кто я: верный служака или вольный стрелок? Никогда не задавайте вопроса, ответ на который очевиден до банальности. Что меня подвигло согласиться на предложение Томми? Только не алчность. Я не охотник до денег. Есть они – хорошо, нет, тоже ничего, как-нибудь проживем. Значит, глупость? Глупость, кстати говоря, отсутствует в списке семи смертных грехов, другими словами, неподсудна, хотя и предосудительна. В моем возрасте глупость опасна, нервничать вредно для здоровья, а бояться выпить лишнее уже поздно. Остается доверять инстинктам и жить в свое удовольствие. Ты умеешь импровизировать и не раз доказал это на практике. Пока жив, будь мужчиной, а настоящему мужчине нужна только еда и немного выпивки. Женщины, само собой, но про них мы уже говорили. Наши амбиции и суровая действительность не всегда находятся в приятельских отношениях, поэтому надо терпеть. Отказываться от щедрого предложения из уст начальства, хоть и бывшего, не в моих правилах. Слушаю и повинуюсь. Выпить? – нет проблем. Я работаю не ради денег, а для вечности, как говорил один мой хороший знакомый из *МИБ*. Да и шотландский виски был действительно хорош. *Monkey Shoulder* создан для гурманов, обладает изысканным ванильно-апельсиновым вкусом с оттенком свежесобранного цветочного меда из живописной долины Гленко, что на юго-западе Хайленда. Они делают ставки на нас, а мы – на удачу. Как пираты. Вот и вся премудрость тайной деятельности во славу государства. С тем уточнением, что на кону не только деньги и время, но и жизнь. А жизнь наша непредсказуема. Нам не дано знать того, что не положено (субординация!), какая завтра погода, хотя многие на этом съели собаку и сделали карьеру, пытаясь угадать. Поэтому перманентная неуверенность есть вполне объяснимое, естественное состояние человека: «Я знаю, что ничего не знаю». Ученые говорят, что умные люди менее склонны к восприятию дезинформации, к фейкам. Как бы не так! Еще как склонны, если дезинформация подтверждает их предположения. Короче говоря, если обвести их вокруг пальца, они будут с пеной у рта защищать вашу «правду». В нашей профессии – уж извините, что все время возвращаюсь – случайность может стать причиной успеха или неудачи. Хотя случайность всего лишь последовательная цепь событий, в которых мы принимаем участие. Ты справишься, не волнуйся, просто привыкни к мысли, что будет еще хуже.

Поскольку выбор маршрута *Vauxhall Cross* оставил за мной, я предпочел скоростной *Eurostar*, отправляющийся с железнодорожного вокзала *St. Pancras International Station* в воскресенье ранним утром и прибывающий к месту назначения в полдень того же дня. Маргрет, умница, заказала мне билет за 81 доллар (в пересчете с фунта), сушиные пустяки при том, что

были и в три раза дороже. Но нам не привыкать к трудностям. Вокзал этот, как и многое-многое другое в столице Великобритании, является местной достопримечательностью для туристов и одновременно служит местом паломничества романтично настроенных молодых людей, которых привлекает бронзовое изваяние влюбленных, обнимающихся после недолгой разлуки: она на высоких каблуках, он в дешевых башмаках. Меня не остановило даже то, что придется провести на колесах почти 8 часов с пересадкой. Чтобы не было скучно, я купил в дорогу пару сэндвичей с сыром, чипсы и две банки бельгийского светлого *Stella Artois*. Это на первое время. Как-никак расстояние порядочное – до Перпиньяна около тысячи километров, должен быть и ресторан. Но есть и большой плюс: пассажиры все на виду, вряд ли кто увяжется за тобой в открытую, я бы заметил. Да и кому я нужен? Пожилой англичанин, экспат, едет во Францию прикупить себе недвижимости, где бы можно было скоротать дни на склоне лет. Перпиньян, понятно, не последний писк моды вроде Канн, но выбор есть. Во Франции нет никаких ограничений на иностранную собственность, французы любят торговаться, мы тоже, поэтому цены доступные. В каталоге, что я просмотрел заранее, меня привлек небольшой домик на площади прямо в центре города. Все, что надо немолодому холостяку: меблированная кухня, ванная и спальная комната со встроенным шкафом. С погребком и чердаком в придачу. Высокие потолки, как я люблю, широкие окна, камин. Дровяное отопление? – ничего страшного. И не в таких условиях жили. Можно подумать, я собираюсь покупать... Хотя цена привлекательная: всего 75 тысяч долларов. Наличными. Небольшой чемодан денег. Но мне сейчас не до этого. Как-нибудь в другой раз.

Так вот он какой, Перпиньян. Чтоб я так жил. Три в одном: Франция, Испания и Каталония собрались здесь вместе под жарким средиземноморским солнцем. Даже не подозревал, что такое возможно. Это место, где вы живете одновременно и во Франции, и в Испании на совершенно законном основании. Широкие песчаные пляжи находятся всего в нескольких милях к востоку, а заснеженные вершины Пиренеев с их лыжными спусками на западе. Всемирно известный курорт Коста Брава в 90 минутах езды от Перпиньяна, а до шумной и суетливой Барселона – менее двух часов. Перпиньян, население которого составляет 300 тысяч человек, предлагает все, что может пожелать пенсионер. Поистине сказочное место: мягкий средиземноморский климат, развитой городской транспорт, а также на уровне здравоохранение и сфера услуг. Что важно для экспатов – это доступная недвижимость, аренда или покупка собственного дома. В Перпиньяне есть множество супермаркетов и специализированных магазинов, подобных тем, которые есть в любом другом европейском городе средней руки. Цены на продукты? Вы заплатите всего доллар за французский багет и пять за бутылку приличного местного вина. Что касается коммунальных платежей, – они недалеко ушли от среднеамериканских в США. То же касается широкополосного интернета и мобильного телефона. Искусство, архитектура и кухня здесь – шикарная смесь французской и каталонской культур. Но жители Перпиньяна не забывают, что они французы. Наконец, после того как Франция и Испания вошли в Шенгенскую зону свободной торговли и передвижения, Перпиньян превратился в счастливого человека, выигравшего за ночь в казино миллион долларов.

Сейчас полдень, я сижу под цветастым тентом и потягиваю кофе на берегу усаженного деревьями канала. Середина лета, в чем, в чем, а в определении времени года я никогда не ошибаюсь. Снег – зима. Дождь – осень. Все остальное – весна и лето. Местные воробьи весело галдят в зарослях декоративного кустарника, кажется, кипариса. Но я не ботаник и не флорист, мне не до местных красот. От красных черепичных крыш окружающих домов веет уютом и безопасностью. Канал меня интересует мало, я больше занят наблюдением за окружающей средой и ее двуногими обитателями. Вы уже, видимо, поняли, что я нахожусь в Перпиньяне, самом южном пограничном городе Франции. Я не забыл упомянуть, что добрался без приключений? Нет, не забыл. Приключения только начинаются, как в хорошем детективе и полагается. Вы, вероятно, уже могли догадаться: здесь я должен ждать курьера, связного, посыльного.

Ему и только ему предназначено связать мое настоящее с моим будущим. Вселение в отель? Ничего примечательного. Дверь нараспашку, швейцара-привратника на месте нет, да и зачем, если дверь уже гостеприимно распахнута. Это кое-что говорит об отеле, но не о его постояльцах. Стандартный вестибюль со стандартными люстрами и стандартным комплектом мебели: низкие неудобные диваны, чтобы не засиживались, под стать им низкие овальной формы деревянные столики с пятнами от пролитой кока-колы, пара фикусов по углам. Парочка лохматых тинейджеров разместились отдельно от главы семейства, цедащего пиво, уткнулась в смартфоны: что их сюда занесло? Тот, что постарше, шлепает брата по затылку, понятно, играют в «стрелялки». Официант привычно опорожняет от окурков пепельницы, протирает их мокрой тряпкой. Стойка с дежурным портье. Он невысок и полноват, и это необычно, поскольку администраторы предпочитают долговязых, проворных. С другой стороны, он приветливый и добродушный, как дельфин. И что немаловажно, как всякий работник с низкой зарплатой, остро нуждается в чаевых. Его английский ужасен, но я не в силах этому помешать.

– Добрый день, месье! Чем я могу вам помочь?

Ответная улыбка, исключительно из учтивости. Я – турист, у меня хорошее настроение и мне все нравится.

– На мое имя забронирован номер.

– Минуточку. Как ваше имя?

Хм... Имя? У меня их с добрый десяток. Но боюсь, что толстячку нужно только одно. Какое же?

– Джузеппе Гарибальди.

Недоумевающий взгляд, говорящий о том, что портье не верит своему счастью: увидеть живьем знаменитого итальянского революционера. Портье, однако, быстро берет себя в руки, Несколько ударов по клавишам компьютера... и широкая улыбка, как будто только что по ипподрому объявили: его лошадь пришла первой.

– Добро пожаловать, мистер Гарибальди. Поздравляю, номер с прекрасным видом на город. Надеюсь, вам у нас понравится. Вы не бывали здесь раньше? Желаете что-нибудь заказать? Вы, как я вижу, без вещей, налегке...

Какой разговорчивый и любопытный. Встречаются же еще такие люди из породы: хочу все знать. Мне повезло наткнуться на одного из них.

– Могу ли я взглянуть на ваши документы, синьор?

Странный портье. Если я назвался Джузеппе, значит, я итальянец, и он имеет право обращаться ко мне «синьор». Какое легкомыслие!

В паспорте закладка, 20 евро. Не бог весть что, но его зрачки расширились, верный признак обуреваемой им алчности, включенной в список смертных грехов, присущих человеку независимо от возраста, профессии и национальности.

– Вы из Палермо?

Ох, уж этот мой орлиный профиль. Шагу нельзя ступить, чтобы не быть узнанным.

– Моя бабушка по дедушкиной линии оттуда. Солнечный край, и лимоны, и маслины. И как вы догадались?

– Очень просто. Вы ведь уже регистрировались в нашей сети отелей? Это навсегда. Вас узнают повсюду. Представляете, как удобно? Так, вы здесь по делам?

Молча киваю. А что еще остается? Не обсуждать же с ним мою родословную или командировочное предписание. И мне вовсе не нравится, что меня узнают всюду, как щебечет этот словоохотливый тип, птица-говорун. Впрочем, в *Carlton* я действительно останавливался пару раз. Здесь он прав. Цифровая экономика, черт бы ее побрал. Клиент как на ладони. Но это далеко не *Carlton*. Это эко-отель *Ibis Perpignan Centre*. В пяти минутах ходьбы и от исторического центра города, и от железнодорожного вокзала, разрисованного внутри, говорят, самим Сальвадором Дали (полное имя Сальвадор Домэнек Фелип Жасинт Дали и Домэнек, мар-

киз де Дали де Пуболь), частенько бывавшим в этих благословенных краях. Что бы не говорили, а монумент знаменитого сюрреалиста-авангардиста, живописца и скульптора, и к тому же нашего брата-писателя, украшенный скромной надписью «Перпиньян – центр мира», на самом деле, стоит. Убедился: так и есть, вокзал – центр вселенной, а люди в нем – пассажиры, прибывают, убывают... Совсем как в жизни.

– Завтрак между восемью и девятью. Шведский стол. Паэлья, морепродукты, йогурты, оригинальная выпечка, фрукты. *Wi-Fi* включен в стоимость проживания. Приятного отдыха и времяпрепровождения, синьор Гарибальди!

Со мной лишь кожаный вместительный портфель, где спрятан ноутбук, минимальный набор туалетных принадлежностей, Библия, служащая для шифровки и декодирования сообщений, несколько разовых мобильных телефонов. Все свое ношу с собой. Комната расположена в середине длинного коридора на третьем этаже. Открывается кодовым ключом размером с кредитную карту. Сейчас даже в частных отелях не пользуются массивными чугунными ключами, которые оттягивают карман. Номер, на первый взгляд, идеально подходит для моих нужд, если только... Если только в нем не установлены скрытые камеры и микрофоны. С подобным гостеприимством сталкивался не раз и не два. Такому олуху вроде меня излишнее внимание ни к чему. Поэтому первым делом провожу тщательный осмотр комнаты. Но на этом не останавливаюсь, спускаюсь вниз и выговариваю портье, что я просил номер с видом на площадь, а не на задний двор. Портье беспрекословно подчиняется. Новая комната уже на четвертом этаже, рядом с пожарной лестницей и лифтом. Если мне приготовлена ловушка, лишняя предосторожность не помешает. Номер чистый. Плоский телевизор, кондиционер, туалетные принадлежности. После душа набрасываю на себя дешевенький (бесплатный) халат, висевший в ванной комнате, подхожу к окну и несколько минут рассматриваю окрестности. Ничего особенного. Все те же красные черепичные крыши, вид сверху. Резкие порывы ветра треплют шевелюру каштанов. Сонное провинциальное спокойствие, прерываемое раздражающими сердце звуками раненного саксофона. Уличный музыкант – вон он, внизу, неподалеку от входа в отель, хорошо виден. Настолько хорошо, что можно разглядеть горсть мелких монет, брошенных прохожими в фетровую шляпу, аккуратно размещенную на скамье рядом. Кого-то мелодия попури на тему *Petite fleur* должна настроить на романтический вечер. Для меня это знак, маркер. Мое прибытие не осталось незамеченным.

Время встречи с курьером. Семь часов вечера. Мое любимое время. Время перед ужином. А вот и он. С виду студент, в спортивном «Адидасе», черная бейсболка, затененные очки.

– Как добрались? Были проблемы?

– Спасибо, все хорошо. Выпьете со мной кофе? Паэлья? – предлагаю, когда мы с ним обменялись рукопожатием и расположились под пальмой на террасе ресторана. – Не пожалейте. Настоящий, не растворимый из стеклянной баночки, какой пьет вся Франция. И Англия тоже, кстати. Кофе по-андалузски с медом и чесноком пробовали? Главное в любом кофе – турка из ковanej меди. Раньше я возил ее с собой. Купил как-то по случаю на блошином рынке в Яффо.

Вместо ответа он открывает небольшую кожаную папку и протягивает мне два тонких бумажных листочка, а вслед за ними толстый пакет.

– Прочтите и запомните. Я не могу вам это оставить. Приказано избавиться, чтобы не осталось следов. В Мадриде вас встретят. В пакете документы, кредитки, международные права, которые могут пригодиться. Вы журналист газеты *London Evening Standard*. Едете в служебную командировку в Аргентину. Ваша задача – рекламный проспект винной продукции. Официально, разумеется. Остальное не моего ума дело.

Обыкновенный молодой человек, заурядная внешность, никаких отличительных черт. Такие обычно и начинают карьеру в коридорах агентства после военной службы в армии Ее Величества.

– Ничего такого, чего бы я не знал. Стоило вас гонять по пустякам из Лондона.

– Мне не в тягость, да и развеяться нужно иногда. Мир посмотреть за пределами офиса на набережной Принца Альберта.

– Ну, если посмотреть, тогда, конечно. Может, все-таки яичницу с беконом?

Лучший способ поближе познакомиться – накормить человека. Лучший способ подружиться с человеком – попросить его об услуге. Не оказать, а именно попросить. Но мне не нужна услуга. И мне не нужна дружба посыльного. Остается просто угостить гостя.

– От кофе бы не отказался. Спасибо.

– У вас все в порядке? – осведомляюсь ради приличия.

– Разумеется, иначе мы бы не встретились.

– Вам приходилось бывать в Мадриде?

– В Мадриде? Нет, но надеюсь когда-нибудь.

– Все действительно так плохо, как изложено в письме?

– Не могу знать. Я всего лишь передаточное звено.

Оно и видно. Молча допиваем кофе. Разговор явно не клеится. Да и с чего бы ему клеиться. Служебные отношения не располагают к откровенности. Существует протокол, инструкции. После нескольких пустых фраз мы расстаемся и вряд ли когда-либо еще увидимся.

Прощай, Перпиньян. Начальство позаботилось, чтобы у меня не было причин здесь задерживаться. Прощай, церковь Святого Иакова, прощай, собор Сен-Жан, которые я не посетил. Прощайте, мощные стены замка Хайме II Справедливого и любвеобильного, отца дюжины законных детей от четырех жен и еще стольких же от любовниц, короля Сицилии, графа Барселоны и Жероны, короля Арагона и Валенсии, короля Сардинии и Корсики. Прощайте и простите, ваше королевское величество. Дела...

Абсолютной свободы не существует, но за нами свобода выбора, а сделав выбор, ты становишься его заложником. Решено: только поезд. Только поезд способен доставить без потерь мое брэнное тело в Мадрид.

*«Дождемся ночи здесь. Ах, наконец
Достигли мы ворот Мадрита! скоро
Я полечу по улицам знакомым,
Усы плащом закрыв, а брови шляпой.
Как думаешь? узнать меня нельзя?»*

Первая строка трагедии «Каменный гость» А. С. Пушкина – «Ах, наконец достигли мы ворот Мадрида» – считается образцом стопроцентной информативности поэтического текста. Почему? Потому что. Размышлять некогда. Увидеть Мадрид (или Париж, какая разница!) и умереть. Что за печаль? Билетами надо было бы запастись заранее, забронировать значительно дешевле, но кто же знал, где соломку постелить. Придется довольствоваться тем, что осталось: берем самое шикарное место, у окна, с детства люблю такие, – М16, надеюсь, не обеднеет. 140 евро за четыре с половиной часа езды? Скорость и комфорт того стоят. Время отправления – лучше не придумаешь, около 11-ти утра. Приятно иметь дело с компанией AVE. Можно выспаться, плотно позавтракать также не помешает. Голодных Мадрид не любит. А кто их вообще любит? Правительство? Надо еще успеть – по прибытии – заглянуть в *Café Comercial*. Это старейшее и одно из самых популярных кафе в столице Испании, на *Glorieta de Bilbao*, в самом центре города. *Comercial* расположен в южной части Глориета де Бильбао, перекрестка нескольких главных улиц, – Карранса, Калле де Фуенкаррал, Лучана и Сагаста, – которые сходятся как лучики на площади, в центре которой бьет фонтан. Считается изысканным местом встреч интеллектуалов, к которым относят себя госслужащие, политики и прочая местная богема: студенты, революционеры, поэты, диссиденты... Идеально подходит для шпиритивов. Кофе, дискуссии о том, о сем, херес, ароматный и сладкий *Pedro Ximenez*, – наслаждайся, пока можешь и пока есть время... Как однажды заметил Муцухито, вся наша жизнь хрупка как

сон и прекрасна как мгновение. Хорошо сказал. Сразу видно, образованный человек. Муцухито – это 122-й император Мэйдзи, именно он вернул верховенство власти в государстве императору, положил конец тысячелетнему военно-феодальному правлению кланов самураев и перенес столицу Японии из Киото в Эдо, позднее названный Токио, что означает «Восточная столица». Муцухито, добавим, заложил основы современного японского общества и был, как пишут, горячо любим своими подданными. Проверить это не представляется возможным, потому что все это случилось еще до Первой мировой войны, приходится верить на-слово.

Вернемся к нашим баранам. По-французски звучит как *Revenons a nos moutons*, и применяется это обращение повсеместно, а не только во Франции, где появилось несколько веков тому назад, к тому, кто чрезмерно отвлекается от основной темы своей речи. Как, примерно, мы сейчас. Итак. На втором этаже 6-этажного здания *Café Comercial* – шахматный клуб *Ajedrez*. Открыт по вечерам во вторник и пятницу, уголок старого мира, где можно отвлечься от одиночества и домашних забот. Там я осмотрюсь, сгоняю партейку-другую, отведаю хваленых пикантостов с горячим шоколадом. Шоколадом нас не удивишь, главное достоинство кафе – его два входа-выхода. Может пригодиться при экстренной эвакуации.

Клуб, однако, оказался вопреки ожиданиям довольно малонаселенным. Несколько свободных столиков, на которых томились без дела шахматные часы. Два лохматых старца нервно и в бешеном темпе отстукивали в блиц очередную «пятиминутку». Прочие любители окружили доску, за которой кипела битва не на жизнь, а на смерть, и тыкали пальцами, подсказывая противникам, куда надо передвинуть коня, ферзя и все, что еще осталось несъеденным. Суета сует и всяческая суета. Чтобы никому не докучать своими советами и присутствием, я скромно сел в уголке и стал разыгрывать сам с собой «бессмертную партию» Андерсена, которую помнил наизусть с детства. Естественно, белыми. Почему она «бессмертная»? Потому уже, что ее несколько сотен раз печатали во всех шахматных журналах, несчетное число раз анализировали, как это умеют делать фанаты шахмат, и – это надо прямо признать – в королевском гамбите нет более красивой победы, которую одержал Карл Эрнст Адольф Андерсен над Лионелем Кизерицким всего в 23 хода, играя белыми, в 1851 году на международном турнире в Лондоне. Что сказать? Шахматный шедевр. Как древнегреческая статуя из белого мрамора богини любви Афродиты (Венера Милосская) в скульптурном творчестве. Идеальные пропорции человеческого тела, но без рук. Рук не нашли. Пока утрясали бюрократические нюансы в Стамбуле, они куда-то запропастились. Но и без рук богиня божественна.

Словом, на меня никто не обращал внимания. Но погрузившись в тонкости позиции и расчет вариантов, я и сам не обратил внимания, как сбоку к моему столику подошел незнакомец:

– Стейниц бы обязательно выкрутился. Надо было играть слоном на А6...

На что я ему тут же возразил:

– Ни в коем случае. Конь дает шах, а потом забирает слона.

– Да, но никакой «бессмертной партии» после этого не получилось бы.

Пришлось согласиться. Аргумент был неотразим.

Есть одно незыблемое правило, и оно касается всех, с кем я соприкасаюсь. Если ко мне подходит незнакомец, независимо от обстоятельств, я предполагаю, что это или провокация, или угроза, и потому держу таких на дистанции. Но если инициатором знакомства, легкого флирта или чего-то другого являюсь я, случайно заговорив с кем-то, кто мне нравится, – тогда все в порядке.

– Вы совершенно правы. Но вы ведь здесь не случайно, верно?

– Верно. Если вы заговорили со мной, вы мне доверяете, будь я хоть красоткой из ЦРУ. Насколько я понимаю, приключений вам удалось избежать. Знаете, всякое случается на таможне.

– Нет, вроде все было тихо и пристойно. По сумкам не шарили. И меня не задержали с порцией кокаина за щекой.

– Чудесно. Сейчас мы с вами направимся к запасному выходу и поедем на конспиративную квартиру. У меня здесь много друзей, которые будут рады вам помочь. Мы наняли для вас репетитора испанского языка: дама за тридцать, умна, сексуальна. Кроме того, вам запрещено выходить из дому. Еду будут доставлять посыльные. Будете хорошо себя вести – сводим в ресторан. По поступлении приказа вас посадят на самолет. Возражения?

Возражений у меня не было. Я давно уже не строю планы на завтра, полагая, что Господь на небесах делает это лучше меня. Я давно привык довольствоваться малым: есть, что придется, спать, где приходится. Позиция на доске для черных к тому времени стала безнадежной. А основательная подготовка к спецоперации – половина успеха. На унавоженной почве и сорняк вырастет. К тому же вдохновляла перспектива посидеть час-другой в знаменитом *Ribeira do Miño Seafood Restaurant*, – что неподалеку, всего в трех кварталах, на *Santa Brigida*, – познакомиться поближе с его дешевой, исключительно галисийской кухней. Белоснежные скатерти, овальной формы блюда, – что я особенно люблю. Боже, какие креветки, просто гора креветок, на вершине которой возвышается вареный краб в обнимку с рыбой-пилой!.. Нет, пожалуй, закажу жареного осьминога. Или стейк. Или все сразу. Так, еще салат с морковью и консервированным тунцом. Домашний, выпеченный при тебе хлеб, конечно. Не забуду и фирменный миндальный торт с мороженым. И заключительный аккорд – горячий кеймада, напиток наподобие пунша, крепкий ароматный, и, как говорят, с привкусом мистики... Вкусно покушать? – оно того стоит, чтобы потерпеть и накопить аппетит. Все же зарубежные командировки обладают своей совершенно особой аурой и привлекательностью. *Y te gusta Madrid?* – *Si, muy*. Тебе нравится Мадрид? – да, очень. Плоская равнина, пыльная атмосфера, промышленные предприятия, офисные здания, бесконечная цепь мебельных магазинов, многоквартирные дома, придорожные мотели и бордели с мигающей подсветкой, автомобили, несущиеся со скоростью полутора сотен км/час... Дикий Запад. Все, как всюду. И здесь же – на память – надпись в музее Прадо: «Бережно относитесь к тому, чего вы не понимаете. Это может оказаться произведением искусства». Такое не забывается.

Квартирка была так себе. Казенная мебель. Окна во двор. Но в ванной комнате – вернее, в душевой – хорошо пахнущее мыло, чистое махровое полотенце, литровая емкость *Listerine*. В холодильнике бутилированная вода. На журнальном столике путеводитель по Мадриду, рекламные буклеты, американские комиксы, которые я никогда не любил. Одиночная камера на пару дней? – сойдет... Ни телефона, ни телевизора. Я не был особенно этим огорчен, поскольку испанское ТВ далеко не шедевр.

Она явилась уже на следующее утро. С большой бежевого цвета сумкой на руке, как модно, хотя я в них не разбираюсь. Возможно, *Michael Kors*, какие я видел у многих женщин в Лондоне, с толстой цепью и замочком под золото. Красная блузка с треугольным вырезом, недостаточно глубоким, чтобы видеть то, что расположено ниже. Обнаженные руки. Дорогие замшевые темно-коричневые туфли от *Prada* на высоких каблуках. Огромные дымчатые солнцезащитные очки. Крепкие, не слишком широкие соблазнительные бедра. Быстрые уверенные движения. Убогая обстановка ее не смутила. Дамочка привлекательная, ничего плохого не скажу. Не Пенелопа Крус, но настоящая испанка. И не тени кокетства. Огонь, а не женщина, привыкшая повелевать мужчинами. И ей было безразлично, что я бесцеремонно разглядываю ее, как картинку в журнале *Vogue*.

– Эй, – сказала она. – Я научу тебя (в Испании не церемонятся с обращениями к незнакомым людям) нашим ругательствам. Остальное ты найдешь в любом разговорнике. Если ты не понимаешь, что тебе говорят, или промолчи, или выругайся.

– А ведь она права, – подумал я. – Глаза можно прикрыть, чтобы не видеть, а уши не заткнешь, чтобы ограничить доступ словам. Уши тебя не защитят, – предадут.

Она попросила разрешения закурить и не дождавшись его, закурила. Мне это не понравилось, – сам не курю и другим не советую, – однако, не в том я положении, чтобы диктовать условия.

– Ладно, только дыми не в мою сторону. И открой, пожалуйста, окно.

Она так и сделала, глубоко затянулась пару раз удлиненной и тонкой, специально для женщин, сигареткой и стала задумчиво выпускать колечки дыма в потолок, позволяя мне любоваться ее красивой белой шеей, странно незагорелой, если учесть, что Испания все-таки солнечная страна.

– Мне нечем тебя угостить, к сожалению, только вода. Не желаешь?

– Пусть это тебя не беспокоит. Я ненадолго.

Она говорила на правильном кастильском, каким и говорят по обыкновению в Мадриде, хорошо поставленным, как у преподавателя, голосом. Меня немного раздражал ее тон: властный, даже вызывающий. Таким обычно разговаривают либо с подчиненными, либо с близким человеком, терпеливо сносящим дерзости ради мира в семье, а я не был ни тем, ни другим.

– Имей в виду: второе предпочтительнее, так ты сойдешь за своего, – продолжила она, – И не умничай, иначе тебя в один миг раскусят.

Меня? Раскусят? Не на того напали...

С ругательствами на испанском мой отдел головного мозга, ответственный за ругательства, еще не был знаком, поэтому дались они мне довольно легко. «*Caramba!*» – черт возьми – я знал с детства, но после занятий мой лексикон стал гораздо обширнее, так что я мог бы теперь заткнуть за пояс почти любого испанского люмпена, столкнись с ним в пивном баре. В конце концов я не собирался становиться переводчиком, для меня было достаточно нескольких ругательств.

– Спасибо тебе, Исабель!

Она сказала «на здоровье», изогнув свой гибкий стан, приблизила ко мне свои зеленые как у всякой порядочной кошки глаза, чмокнула в небритую щеку, одарила белозубой улыбкой, – ну, что за прелесть эти испанки, – и упорхнула, словно бабочка-махаон. К новым клиентам, наверное. Спрос на ругательства в мире в последнее время рос, как на дрожжах. Меня же на следующий день молчаливые вежливые люди в камуфляже подвезли на коляске чуть ли не к трапу *Iberia Airlines* как какую-то куклу, пораженную рассеянным склерозом. Серьезные люди с серьезными связями в органах правопорядка. Никаких тебе очередей, проверок, снять обувь, вытряхнуть карманы... Хорошо еще, не надели черный пластиковый мешок на голову и без наручников. С них бы случилось, уверен, не будь у меня все под контролем. Но все ли у нас под контролем? Любой сделанный нами шаг, случайное событие могут настолько повлиять на нашу жизнь, что бесполезно терзать себя: а что, если бы я сел в другой автобус, купил билет не на тот спектакль, не позвонил, не услышал, не прочитал и прочее, и прочее? Нам этого никогда не постичь. История не имеет сослагательного наклонения. Судьба играет нами, как камешками в *Go*.

Глава 2

Самое большое заблуждение состоит в том, что у нас впереди масса времени. Как будто мы небожители, хотя и живем под небом голубым и открыты ему в любое время суток. Или, на худой конец, приближенные к нему обитатели кавказских круч вроде безоаровых козлов, лет до ста расти им без старости. Чепуха. Сегодня мне предложили роль Спасителя. Что ж, нам не привыкать спасать мир, ставя свою собственную жизнь «на паузу». Один известный психолог – не стану называть его имени, он и так широко известен – утверждает, что это результат низкой самооценки. Ничего себе! Мол, надо поскорее переключить свои способности на свои потребности. Все гениальное просто: кончай помогать другим и тогда у тебя все будет хорошо, тип-топ, как говорят в Ташкенте. Мы-то с вами прекрасно знаем, что хорошими делами прославиться нельзя. Здесь старушка Шапокляк права на все сто. Помогая кому-то, вы лишь усугубляете проблемы индивидуума, продлеваете его агонию. Пусть учится у жизни и принимает решения самостоятельно, опирается на свои силы. Иначе привыкнет полагаться на помощь и подсказки со стороны и однажды это печально для него закончится. Закон Больших джунглей: человек человеку волк. Шутка. Человек человеку друг и брат. Но с одним «но». Тот, кто владеет истиной, не должен рассыпать бисер перед свиньями, образно говоря. Поскольку Господу нашему удобно, исходя из некоторых соображений, поддерживать заблуждения глупцов.

Да, и одно важное напоминание: не общайтесь с энергетическими вампирами. Вы должны отдавать себе отчет в том, что они окружают нас всюду. Присмотритесь. Ваши инстинкты укажут на тех, кто способен вдохновить, зарядить энергией, а не опустошить вашу душу и обобрать вас до нитки. И еще посоветую не захламлять жилище вещами. Вещи, прописанные в вашем доме, делают вас эмоционально зависимыми от них, внушают фальшивую уверенность в завтрашнем дне, берут в плен – и вот вы уже их раб. Раб дивана, раб компьютера. Раб посудомоечной машины на кухне. Раб кофемолки. Помните диалог Джинна и колдуна Джафара?

– Кто ты такой? – Я раб лампы. – Повтори. – Я раб лампы! – Громче. Не слышу. – Я РАБ ЛАМПЫ!!!

Правда, Джинн придумал потом хитрую хитрость и смог освободиться из заточения в глиняном кувшине. Мог бы просто разбить на черепки, но зачем портить артефакт? Нам тоже порой не легче вырваться из рабства в доме, полном вещей. Вот и я говорю: из Лондона я бы ни ногой, если бы не колокол, который звонит по мне. Звонит по каждому из нас. Надо только его вовремя услышать.

Может, я и мечтал мальчишкой сыграть Короля Лир в труппе бродячих артистов, которых однажды попутным ветром занесло в наш ДК имени Крупской Надежды Константиновны, неподалеку от дома, где мы тогда жили с отцом, но сегодня я был обуреваем желанием поскорее пересечь океан и оказаться в Серебряной стране, как переводится «Аргентина» (*argentum*) с латыни. Залежей этого благородного металла в горах в бассейне Ла-Платы так и не нашли, – итальянского мореплавателя и первооткрывателя новых земель Себастьяно Кабото, занимавшегося поисками сокровищ в Южной Америке, просто-напросто обманули, он доверился слухам. Однако «серебро» к имени страны прилипло. Кабото же после неудачи переселился в Англию, где основал в 1551 году «Московскую компанию», установившую по королевскому указу Марии Тюдор взаимовыгодные торговые отношения с Московским государством. Не зря, выходит, жил человек на Земле, оставил после себя память.

Сделай шаг и перед тобой сам собой откроется путь, – учит Стивен Джобс. Пора сказать пару добрых слов об Аргентине. Страна поистине удивительных размеров и природного разнообразия. Снежные шапки горной гряды Анд на фоне горнолыжного курорта Портильо, ледники и айсберги Ушуайя, водопады Игуасу, пустынные степи-пампасы, вечнозеленые леса,

уединенные разбросанные повсюду фермы, огромной протяженности песчаные пляжи Мардель-Плата и наконец, современные города-мегаполисы. Множеству культурных и исторических памятников и достопримечательностей Аргентины может позавидовать любая страна. Столица – Буэнос-Айрес. Свое нынешнее название город получил в XVII веке, а до того *Ciudad de la Santísima Trinidad y Puerto de Nuestra Señora de Santa María de los Buenos Aires*, немного длинно, но иначе было нельзя: «Город Пресвятой Троицы и Порт нашей Госпожи Святой Марии Добрых Ветров» был открыт и построен для мореплавателей. Но нам дальше. В Байресе задерживаться не рекомендовано. Миссия секретная, мало ли что может приключиться. Мы шпионы. Мы постоянно рискуем своей и чужими жизнями. Вот если бы мы были обычными людьми, то сидели бы в баре и потягивали текилу. Если вы думаете, что мир изменить невозможно, это лишь означает, что вы не из тех, кто мир изменит. Только и всего. Я не собираюсь менять мир. Он меня пока устраивает. Я журналист солидного лондонского издания, еду собирать народный фольклор индейцев гуарани. Вопросы есть? Вопросов нет. Мне многое позволено, что недоступно простому человеку. Журналистские «корочки» отличное прикрытие для шпионов всех эпох и народов, чтобы совать свой нос туда, куда не положено. Что нас занесло на край Земли? – издержки творческого процесса, брызги фантазии. Что нас мотивирует? Деньги и приказ начальства. Или наоборот: приказ начальства и деньги. И еще клопочущий в крови и требующий выхода ген авантюризма. Вам не быть хорошим шпионом, если вы в душе не авантюрист, не пройдоха, не ковбой и не золотоискатель с Дикого Запада. Мы убиваем врага, овладеваем его секретами не по принуждению, а по призванию. Жить нужно весело, чтобы «контора» никогда о тебе не забывала! Мне дана одна-единственная жизнь, одна попытка, и я хочу испытать все. Моральное кредо из трех слов: хочу испытать ВСЕ!

Инструкции – это свод правил для тех, кто не склонен соблюдать правила. Мой скромный жизненный опыт говорит о том, что не стоит отклоняться от инструкций в незнакомых местах. Также не стоит носить женский парик и менять каждый час одежду и обувь, чтобы запутать врага. Он запутается и без вашей помощи, не надо создавать из врага фетиш. Общественный транспорт, автобус – зачем оставлять после себя следы, являть окружающим свою физиономию? Идти пешком? – это перебор. Разве что на финише, чтобы лишний раз убедиться, что за тобой никто не увязался. В такси в горы не доберешься, факт. Значит, остается одно: арендовать машину. Международный аэропорт «Эсейса» имени генерала Хуана Писторини, куда мы приземлились, предлагал множество вариантов такого рода услуг. Большинство трасс в стране в идеальном состоянии, поэтому нет никакой нужды ломать себе голову: какой автомобиль выбрать? Минивэн *Toyota Sienna*? – почему нет? Белого цвета – почему нет? Таких полно на улицах и легче остаться неприметным. Но бензином лучше запастись. Топливо в удаленных районах субсидируется государством, цены ниже, но попробуй найти заправку. Ну, а по дороге осмотрим заодно и аргентинскую столицу, поскольку единственная магистраль из аэропорта в этом направлении – скоростная автострада имени другого генерала, Пабло Риккьери. У генералов в стране, судя по всему, все хорошо. Увы, за бортом остается невостребованным знаменитый аргентинский стейк «париджада» в ресторане *Don Ernesto*, а также площадь *Manuel Dorrego*, где сутками без усталости крутят фантастическими ножками в ажурных колготках знойные аргентинки в обнимку со своими кавалерами-матадорами. Уверен, они меня еще дождутся.

Но – к делу. Что мы еще знаем о Аргентине, помимо того, что это страна танго, а «Танго смерти» знает весь мир? Знаем, что у него поистине захватывающая судьба. Знаем, что авторство романа (стихов) приписывается одесской примадонне Изе Кремер, хотя это был всего лишь вольный перевод с французского *Le Dernier Tango* («Последнего танго»), что в свою очередь было украдено у аргентинского композитора Анхеля Виллолдо, написавшего по следам реальных событий (парагвайский миллионер в порыве страсти душил изменившую ему танцовщицу Риту) песенку для кабаре под названием *El Choclo*. У сюжета с удушением было мно-

жество подражаний-вариаций, в том числе и в России. И это в высшей степени романтично и – согласитесь – до некоторой степени даже захватывает дух...

*В далекой знойной Аргентине,
Где небо южное так сине,
Там женщины, как на картине...
Там знают огненные страсти,
Там все покорны этой власти,
Там часто по дороге к счастью
Любовь и смерть идут...*

Изе Кремер не довелось записать свое ставшее знаменитым танго. Она почувствовала угрызения совести после того, как однажды ее поклонник, молодой офицер, покончил с собой, оставив рядом с телом записку со строками из «Танго смерти». Печальная история, что и говорить. Но романс таки дошел до нас. Популярнейший в 30-е годы прошлого века в России кумир публики Вадим Козин с удовольствием и к удовольствию мещан исполнял его на гастролях, а когда угодил в качестве заключенного в Магадан – время было такое – не растерялся и там: работая в местном музыкально-драматическом театре, он оставил «Последнее танго» для потомков в записи на грампластинке.

Боюсь, однако, что мне сегодня не до бурных страстей и знойных аргентинок. Что нынче танцуют на улицах Байреса? Сальсу? Бачату? Кизомбу? Против старомодного танго ничего не имею против, признаться, был бы не прочь. Но путь мой пролегает, – вы не поверите, – к виноградникам в предгорьях южноамериканских Кордильер. К самому чудесному и высокогорному винограднику, который только можно себе представить. Где делают уникальное темно-красное, практически «черное» вино, – оно так и называлось в старину. Чистое, вкусное, без добавления красителей, сахара и фильтров, ароматизаторов, пестицидов и ферроцианида калия. Возьмите бутылку в руки и увидите сквозь непрозрачное ее стекло затерянную среди пустынных серебристых хребтов долину под темно-синим безоблачным небосводом. И теперь откройте ее... Не буду вам мешать. Откройте эту бутылку красного терпкого вина, испытайте наслаждение с первого до последнего глотка, находясь на высоте 9000 футов... Здесь виноделы спят под гроздьями звезд, накрываясь вместо одеяла виноградной лозой... Здесь удивительно красивые, статные до умопомрачения женщины работают от зари до зари и не устают... Это место – в нескольких часах езды от ближайшего города по ухабистой, извилистой, опасной до жути дороге. Уж как я добирался, стоит отдельного повествования, не буду вас утомлять, но все закончилось благополучно. И вот, наконец, это место, *Uco Valley*, где небо и земля, соприкасаясь на горизонте друг с другом, кажется, становятся единым целым...

Поэзия... Чистая поэзия, а не путешествие с секретной миссией на край света. Я не против. Наоборот. Жизнь в мегаполисе не по мне: погоня за деньгами, должностями, тревожностями, шум, гам, тарарам... Ученые утверждают, и им в данном случае можно верить, что люди, живущие в сельской местности, в целом, счастливее городских жителей. Почему? – нет нужды гнаться за успехом, можно просто жить «здесь и сейчас». Для себя. Когда я жил в Лондоне, я составил по совету знакомого психолога «карту счастья»: отметил места, что связывал с приятными для себя событиями и частенько их навещал. Помогает. Мозг вырабатывает эндорфины радости. Исчезают тревоги, уменьшается стресс, нормализуется кровяное давление, пропадает депрессия. Хочется летать, представляете? Или просто обнять от полноты чувств первого встречного, желательно, конечно, привлекательную девушку, а не старую гримзу, но можно и схлопотать по физиономии и от той, и от другой, это уж кому как повезет.

Винодельня *El paraíso* (в пер. – Рай) – цель моего вояжа. Очень маленькая, очень скромная, короче говоря, семейная и вдали от шума городского. Выбрана – не мною – неспроста. Здесь мне заказан стол и дом. И семейный ресторан. Во время званого деревенского обеда из пяти блюд с обильными возлияниями под сенью брезентового шатра, с последующим посеще-

нием винных погребов с целью дегустации продукции мне якобы передадут некую «флешку» с секретной информацией. О чем? – знать не велено, а мне и не к чему. Кто? – а кто его знает... Просто протяни руку и возьми с полки пирожок. Просто пейте свое фиолетово-красное, ароматное, со вкусом свежей горной ежевики и ванильным послевкусием вино *MALBEC* – и благодарите Господа нашего за щедрый дар небес. Закусывайте нежнейшими сырами *pategrás, fontina* и *provolone*, жареным на свежем воздухе, на гриле, мясом с макаронами, – и скажите «спасибо» хозяевам... Ну, и начальству, само собой, за такой гастрономический тур и вкусную спецкомандировку. Честно говоря, не ожидал от него такой благотворительности. Да еще на закате карьеры. Не рано ли радуюсь? Нет ли подвоха: начальство, как и казино, всегда в выигрыше, а бесплатный сыр бывает только в мышеловке, мне ли не знать? Верно и то, что находить и испытывать радость от мелочей в состоянии далеко не каждый. Но награда не заставит себя долго ждать: взамен вы получите жизнь, свободную от предрассудков, агрессии, зависти и подражательства кому-либо и в чем-либо. Можно всю жизнь провести в поисках счастья, объездить весь мир, пока в конце концов не убедишься, что лучше и милее родного дома нет ничего на свете. Пусть там, где нас сегодня нет, и трава зеленее, и море синее, и горы выше, счастье – понятие сугубо индивидуальное. Нет такого понятия как «общее» счастье. Хотя, признаюсь, оно зависит и от доходов, и от политической обстановки в стране постоянного местожительства, и от погодных условий.

Принято считать: в деньгах счастье. Отчасти, да. Нормальному человеку достаточно дохода в 36 тысяч долларов для удовлетворения всяческих естественных нужд. Большой доход делает человека богаче, но не счастливее. Пять съеденных пирожных вам ведь не покажутся вкуснее одного первого? И разве мало богатых, но глубоко несчастных людей? Перефразируя – о, ужас! – самого Альберта Эйнштейна: если вы хотите счастья, будьте привязаны к цели, а не к вещам. Почти как у иезуитов: «Цель оправдывает средства!» Однако, и успех в делах, и преуспевание – не признак счастья, как нам хотят внушить. Если ты достаточно успешен, то можешь вообразить, что тебе море по колено. Но это не так. Возможно, ты действительно особенный, но не Господь, уж точно. Хотя, что греха таить, в Антарктиде счастья лучше не искать. А поедешь в Коста-Рику, к примеру, – вот же оно... с первых шагов к тебе липнет как брошенная кем-то жвачка к ботинку. Главное – это позитивно мыслить, а не канючить и плакаться в жилетку. Грех уныния – худший из грехов человека. Это я уяснил для себя за годы работы. Меньше заорганизованности, больше экспромтов, больше времени с друзьями, с любимым человеком, Будьте креативны, как теперь принято говорить, живите этим моментом, а не тем, что будет завтра. Завтра может и не быть. Момент же не повторится и не вернется, как бы вы себя не пытались убедить в обратном. Еще древние философы знали: нельзя ступить в реку дважды. В этом весь смысл жизни. И вот что еще. Если судьба занесла вас в заморские края как туриста, разумеется, не надо гоняться за сувенирами, увлекаться шопингом. Это – пустое. Наполните дни пребывания там новыми впечатлениями: от людей, природных красот и пейзажей, местной кухни, вина, наконец... Ходите пешком, впитывайте в себя окружающий вас новый незнакомый мир, не следуйте за экскурсоводом подобно стайке утят за наседкой. А в Боготе, рассказывают, местные власти по воскресеньям автомашинам перекрывают дороги, и полновластными хозяевами улиц становятся люди: пешеходные прогулки улучшают настроение и создают ощущение покоя и умиротворенности, уверенности в себе.

Впрочем, в моем нынешнем положении полезнее всего паранойя, а не разглядывание витрин и проходящих мимо красивых кареглазых стройных аргентинок. Не надо бояться показаться смешным, когда за тобой ведется охота. В том, что охота имеет место быть, сомневаться не приходится. Настороженный взгляд, задержавшийся на тебе, ни с чем не спутаешь. Много свидетельств того, что приключения только начинаются. Как сказал Уоррен Баффет, – но, возможно, и кто-то другой, – если машина с полицейскими следует за тобой сто миль по безлюдной пустыне Мохава, штраф за нарушение правил, считай, у тебя уже в кармане. Ставлю на спор

упаковку «Хайнекен». Паршивое, кстати, пиво. Предпочитаю ему либо польское *Lejzak*, либо чешское *Staropramen*. Недавно попробовал итальянское *Peroni*, тоже ничего, даже не ожидал. Я вступаю на малознакомую тропу, полную ядовитых колючек и гремучих змей, куда она ведет и где закончится, один Аллах или Будда знает: иди, говорит, а там видно будет. У всего и у всех в этой земной жизни есть своя цена, не тобою, брат, назначенная. И потому надо смириться и безропотно нести свой крест. Иди уже!..

Офис *El paraíso* располагался на втором этаже, над кухней. Представляю, какой аромат там царит во время застолий внизу. Попасть туда через входную дверь можно только поднявшись по боковой лестнице, каковые принято пристраивать в Канаде к веранде, ну и разве что еще с помощью спортивного шеста – прямиком в распахнутое окно. Складной шест я с собой не захватил, поэтому пришлось воспользоваться лестницей. Офис представлял собой небольшую квартиру. Большую ее часть занимал собственно офис, кабинет управляющего или лучше сказать, менеджера, а за ширмой, как я догадался, находилась комната отдыха, поскольку был виден уголок дивана и ковер на стене. Два канцелярских стола. За одним из них сидела молодая женщина. Оторвав голову от бумаг, она улыбнулась мне, как старому знакомому:

– Привет, Алекс!..

О, Господи... Если бы не годы тренировок и железная воля, у меня бы подкосились ноги. Это она... Это Мириам! Глазам своим не верю. Это когда же мы с ней расстались? Ее отправили в Южную Америку, уж не знаю, в какое посольство и с какой целью, а я... я начал новую жизнь. И как же было приятно вновь услышать ее голос с легкими нотками озорства.

– Привет, малышка. Давно не виделись. Все такая же...

– И какая?

– Красивая. Цветущая. Привлекательная. Опасная...

– Опасная?

– Сногшибательная. Боюсь снова тобой увлечься.

– Это комплимент?

– Сама скажи. Я обычно не забываю смазливое личико. Как сейчас у тебя.

– Речь не мальчика, но мужа. Оставим это на потом. Ты знаешь, зачем ты здесь?

– Не очень. Но поскольку здесь ты...

– Я личный секретарь сеньора Оливареса и его администратор. Он владелец бизнеса.

Хочешь спросить еще что-то?

– Еще бы. Но ты ведь не расскажешь. Или – мы компаньоны, как прежде?

– Конечно, компаньоны, Алекс. Или не Алекс?

– Нет-нет. Алекс в прошлом. Сегодня я репортер лондонской «Стандард», приехал в командировку. Дегустировать вино, развлекаться, отдыхать, дышать свежим воздухом. Как мало нужно человеку для счастья: всего-то подняться в горы. Филипп Джонс, с вашего позволения, для тебя Фил. А ты? По-прежнему Мириам?

– Так даже лучше, не надо приотворяться. Ты не хочешь подышать свежим воздухом?

– О-о-о... Блестящая идея. Осмотреть окрестности с красивой женщиной... Лед тронулся, господа присяжные заседатели.

– Русская классика не забывается?

– Верно. Ильф с Петровым – засели в голове на все времена.

– Вначале я бы подыскала тебе жилье на это время. Мы – я имею в виду персонал – живем в коттеджном поселке поблизости. Добро пожаловать в *Los Altos*. Надеюсь, что босс будет рад знакомству, а ты сможешь задать ему свои вопросы. Он пока в отъезде: на несколько дней по делам в Байресе.

– Ты за главного? Тогда – вперед!

Коттедж для гостей, который мне предоставила любезная хозяйка, не оставлял желать лучшего. Спальня, маленькая гостиная (диван, кресла, журнальный столик, платяной шкаф-

чик) и ванная комната, кухня с электроплитой. Деревянный (экологичный) сруб под черепичной крышей, водопровод, спутниковое телевидение – все, как полагается. Никаких заборов между домами, даже нет живой изгороди. Зачем? У нас нет секретов друг от друга. Общий для поселка плавательный бассейн с брошенными вокруг него лежаками и кабинками для переодевания. Спортивная площадка. Футбольное поле с установленными воротами без сетки, площадка для гольфа. Теннисный корт. Усыпанные гравием дорожки и разбитые повсюду цветочные клумбы. Живописная природа. Минимаркет. В полукилометре – водопад. Микроклимат, о котором можно только мечтать. Живи и радуйся.

– Поселок днем и ночью охраняется. Служба безопасности, видеокамеры... Шлагбаумы, посты охраны. Забор с колючкой ты сам видел. Ключей не оставляю. У нас не воруют и чужие здесь не ходят.

Все так. При въезде меня тщательно проверил охранник, подпоясанный кожаным широким ремнем с висящим на нем кобурой с оружием: паспорт, водительские права, дорожную сумку. Забрал и положил в сейф мой мобильный телефон. Чтобы я не сбежал? Это он зря. Спутниковый я спрятал в лесу заранее на тот случай, если придется экстренно вызывать Лондон.

– Спасибо за предупреждение, дорогая. А я уж было собрался ставить капканы на злоумышленников.

– Есть ночной клуб, где можешь поиграть в карты, потанцевать, выпить, подцепить на ночь красотку, если повезет – твое поведение никого здесь не волнует. Кроме, разумеется, сеньора Оливареса. Ему доложат, не сомневайся: где был, о чем и с кем говорил... С кем спал... Да, для информации: телефон-факс через спутник только в конторе. Связь с миром в одну сторону и только с избранным кругом.

– У него есть имя?

– Адольфо.

Итак, сеньор Оливарес, кто вы, что за фрукт? Адольфо Оливарес. Адольф... Это имя мне знакомо, как и большинству людей на Земле, оно останется в истории как пример того, как не следует называть детей. Я не собираюсь его вербовать, это ни к чему. Но привлечь на свою сторону было бы полезно. И здесь пригодится все, чему меня научили: лесть, умение втереться в доверие и создать впечатление, что вы с ним заодно, идете ему навстречу, что рады помочь осуществить его заветные желания, плюс – естественность, открытость, искренность, доброжелательность. Все эти методы можно обозначить одним словом: наука манипулирования человеком. Знать слабые места противника и дергать его за ниточки, как паяца. И делать все самому, не доверяя никому. Как сказал Генри Форд, «если будешь колоть дрова сам, то согреешься ими дважды». В этом вся штука, вся сложность. И это же азбука разведывательной работы, у которой есть и обратная сторона. Если вас волнует проблема влияния на других, вы не можете быть самим собой, чувствовать себя свободным. Об этом нельзя забывать.

Знакомство с сеньором Оливаресом состоялось через два дня. Я никуда не спешил. Здесь мне было хорошо. Никаких шалостей с Мириам, – это верно, зачем дразнить гусей? Но в остальном я был предоставлен сам себе.

– Сеньор Оливарес приглашает тебя на корт. Надеюсь, ты меня не подведешь.

Приглашение, поступившее из офиса по местному телефону (в поселке находилась в эксплуатации малогабаритная АТС), звучало как приказ.

Старик в шортах, довольно высокого роста, но не выше меня, седой, бледные голубые глаза, косматые брови, загорелые ноги, сухопарый, похожий на бегуна-марафонца, с пышной копной усов под ястребиным носом. Настоящий гринго, как в Аргентине принято называть светловолосых иностранцев, с той, однако, разницей, что иностранцем здесь был я, а не он. Что еще?.. По виду обыкновенный английский джентльмен, ежедневно протирающий штаны за канцелярским столом в Форин офис. Не хватало только пробкового шлема на голове, но их там давно уже не носят. Лицо человека, только что хлопнувшего стакан водки и закусившего

толстым ломтем хлеба с килькой пряного посола. О таких говорят: у них рот всегда на замке. Правда, надо признать, не всё вписывалось в общую благостную картину, кое-что вызывало нежелательные ассоциации. Я постарался не придавать этому значения: мало ли чудачков бродит по земному шару с усиками а-ля фюрер.

– Играете? – спросил он, скорее, ради приличия, когда меня ему представили. Я машинально отметил, что играть придется на красном грунтовом покрытии. Оно прекрасно пропускает воду, хотя матчи на «Ролан Гаррос» в случае проливного дождя согласно регламенту соревнования прекращаются. Такие корты принято считать «медленными»: скорость отскока мяча позволяет легче контролировать ход поединка, а нагрузка на суставы и связки спортсмена значительно меньше, что привлекает к занятиям теннисом пожилых людей.

– Почему нет? – ответил я вопросом на вопрос, не слишком заботясь о правилах хорошего тона.

– Тогда начнем. Я подаю. Не возражаете?..

Теннисист из меня еще тот, но я стоически отражал атаки опытного противника, пока не начался дождь. Он-то меня и спас от неминуемого поражения. Первый сет складывался не в мою пользу: 2:5... Неплохой для меня результат, если учесть, сколько лет я не брал в руки ракетку. Однажды мне даже удался брейк. Впрочем, без хвастовства: в гольф я бы его раскатал, как бог черепаху.

– Что же, молодой человек. Очень неплохо. Держались молодцом. Я было подумал, что вы просто «бегунок». Рад, что ошибся. Так, чем могу быть вам полезен?

Я похвалил его подачу, мощный смэш и кроссы, а также проявленное уважение к сопернику, а затем кратко перечислил поставленные передо мной редакцией задачи.

– Вы не против продолжить беседу за столом?

Разумеется, я не был против.

Мы расположились тут же в беседке. Официантка принесла на подносе несколько бутылок вина, фужеры и блюдо с нарезанными ломтиками сыра. Предстояла, как я понял, дегустация продукции винокурни *El Paraíso*. Мероприятие привычное, в котором я чувствую себя как рыба в воде.

– Вы еврей? – без излишних церемоний начал допрос сеньор Оливарес.

– Упаси боже... С чего вы решили?

Он загадочно ухмыльнулся.

– Попробуйте наш *Malbec*. Превосходное послевкусие с сыром *Fontina*. Сыр мы делаем сами, не итальянский, почувствуйте разницу. Родниковая вода и все такое...

– Вы не ответили на мой вопрос, сеньор Оливарес.

– Акцент выдает в вас не того, за кого вы себя выдаете: слишком правильный выговор, чтобы быть приобретенным с рождения. Знаете, времена нынче беспокойные, под личиной негодяя или журналиста может скрываться анархист, левак, а то и иностранный шпион. На лбу не написано, что имярек честный и порядочный человек, патриот. Мое любопытство оправдано, признайте.

– Знаете, Лондон – это настоящая Мекка, Вавилон, смешение народов и рас.

– Я не люблю евреев. Просто не люблю.

– Я их тоже, как и вы, недолюбиваю, но отдаю им должное как негодяям.

– Вот-вот. В Байресе много евреев-торговцев, посредников, дистрибьюторов. От них большая польза. Но как личности они мне мало симпатичны. Приходится мириться. К сожалению. Вы пейте, пробуйте, у вас еще все впереди.

– В ваше отсутствие меня приняла ваша секретарша.

– А-а-а... Мириам. Мне ее рекомендовали друзья из посольства. Исполнительная, ответственная, знает язык. Я ей доверяю. Похожа на еврейку? Мы проверяли ее родословную. Мириам Руссо. Библейское имя. Из Севильи. Южная кровь, но ни капли еврейской. Да, мне

говорили, что, возможно, предки из марранов, крещеных сефардов. Или русских? – те могут сфальсифицировать все, что угодно, ввести в заблуждение, вписать в паспорт любую фамилию. Работают целые правительственные учреждения и лаборатории. Но я бы не потерпел здесь у себя русских или иудеев. В конце концов кровь проявит себя и тайное станет явным. Один еврей еще туда-сюда, куда ни шло, но община, мишпаха... Это никуда не годится. Но не подумайте о нас плохо. Мы против дискриминации. И мы живем в свободной стране, где у граждан есть право выбора.

– Вы сказали «мы»?

– Группа единомышленников, основателей поселка. Но вам это ни к чему. Ваше дело – рекламные проспекты, не так ли, мистер э-э-э...

– Джонс, с вашего позволения.

– Простите, мистер Джонс, запамятовал. Возраст. Наслаждайтесь нашим гостеприимством. Я отдам распоряжение, чтобы вы ни в чем не нуждались. Еда, вино... Эскимо любите? У нас самое вкусное.

Кто же его не любит... Особенно с иранскими фисташками. Я даже знаю, как оно звучит на испанском – *paletas*, потому что по форме похоже на весло у индейца, плывущего по реке в каное. Как утверждают, имя сладкому мороженому продукту в шоколадной глазури подарили якобы именно эскимосы: *Eskimo Pie*. Отсюда вопрос: разве эскимосы пекут пироги? Вы когда-нибудь видели эскимоса с эскимо? Нет.

– А если появятся вопросы, – продолжал хозяин *El Paraíso*, – к вашим услугам Мириам. Она все расскажет и покажет. Я вас покину. Дела, знаете ли... Не прощаюсь. Надеюсь, еще увидимся до вашего отъезда.

Управляйте своей судьбой или это сделает кто-то за вас, чтобы вас использовать. А этот сеньор Оливарес не так прост, каким хочет казаться. Мириам Руссо поможет мне подобрать к нему ключик. Пора уже с ней объяснить, выложить карты на стол. Забросить трал, выудить как можно больше информации: контакты сеньора Оливареса, привычки, интересы, поведение, женщины... Людьми движет жадность, высокомерие, глупость, – все это можно использовать. Одни считают, что в деталях кроется дьявол, другие, – как Иоганн Вольфганг фон Гете, например, – что за ними стоит сам Бог. Мириам надежна как скала, как и положено быть сотруднику Моссада. Разговор начистоту нужен нам обоим. Если его оттягивать, оправдывать бездействие, – только запутывать дело и личные отношения. Ни за что не поверю, что Мириам оказалась в горах Сьерра-де-Кордова случайно. Как не поверю и в то, что агент израильской секретной службы случайно появилась в винодельне. Праздношатающихся шпионов не у дел не бывает. Представьте себе стадион, вы на гаревой дорожке, дистанция 3000 метров с препятствиями, за вашей спиной кто-то неизвестный спускает курок стартового пистолета: беги, если хочешь победить. Но это иллюзия. Обман. На финише вас ждет Ад, *inferno*, на испанском. Но иногда нам везет, и судьба ненароком и ненадолго по пути заносит нас в Рай, *El Paraíso*, чтобы жизнь медом показалась. Поэтому мы шепнем судьбе *merci beaucoup*... и продолжим свой бег, наматывая круги. Агенты не могут отказываться от заданий, они обязаны выполнить приказ. Иногда – любой ценой. Меньше знаешь, крепче спишь, – это не про нас. В мире много проблем. Мы – их решение. Когда по-настоящему любишь свое дело, оно перестает быть наказанием, работой. Но мы не боги и конец все же один: смерти никому не избежать.

«В полночь Вселенная пахнет звездами», – поэтично выразился Э. М. Ремарк в «Черном обелиске». Красиво, ничего не скажу, но к нашей действительности имеет мало отношения. А уж к моему «редакционному» заданию, тем паче. Нюхать звезды? – такого занятия нарочно не придумаешь. Разве что для котов на крыше. Но поговорить с Мириам надо, а лучше времени, чем в полночь, пожалуй, и нет. Приватность обеспечена на сто процентов. Не на крыше, естественно, а в той же беседке на корте для тенниса или у нее дома. Остается надеяться, что она не нашпигована «прослушкой». Будем уповать на удачу. Мы же джентльмены удачи все-

таки: называй нас хоть горшком, только в печь не ставь. «К тому же, если мы перестанем делать глупости – значит, мы состарились», – подсказывает все тот же Э. М. Ремарк. Умный человек.

Назавтра стало известно, что дон Оливарес опять собирается отбыть по делам в Байрес, и Мириам пригласила меня к себе позавтракать. Домик – не в пример моему гостевому – был приличных размеров, небольшая вилла, рассчитанная на семью. Гостиная и спальня. Обшитые деревом стены. Коричневой кожи диван с двумя декоративными подушками, два мягких удобных кресла, «стенка» с чайным сервизом и набором посуды. Книжная полка и журнальный столик. Разносолов на обеденном столе в кухне не было. Аргентинцы предпочитают легкий завтрак. Кофе, яичница «хавита», шоколадная паста с кукурузной лепешкой, апельсиновый сок. Вкусно и питательно, не требует много времени для приготовления. Ужин обычно устраивают довольно поздно, едва ли не перед тем, как укладываться спать. Но середина дня полностью в вашем распоряжении, можно себя побаловать и барбекю, и итальянским мороженым, и чашечкой чая мате. Аргентинцы консервативны в своих кулинарных пристрастиях. Это отмечают все, кто побывал в стране.

– Ты можешь перебраться ко мне, – заметила Мириам после завтрака, окинув меня оценивающим взглядом: стою я того или нет?

– Было бы здорово, – я широко, насколько мог, улыбнулся в ответ, подумав, что она поступает согласно правилу: держи друзей близко, а врагов еще ближе.

– У меня две спальни, одна будет твоя. Но с одним условием.

– И каким же?

– Ты не будешь ко мне приставать ночью.

Сказано это было таким тоном: мол, я женщина слабая, беззащитная... Знаем, как же. Владеет крав-мага. Любому покусившемуся переломает руки-ноги безо всяких угрызений совести.

– Очень надо... – как можно безразличнее отозвался я.

– И я первая в туалет утром. Идет?

– Идет. Так я пошел за вещами?

– Вечером, дорогой. Увидимся вечером.

– А ты не боишься камер и все такое? Нас ведь могут застукать...

– Я же тебе сказала: здесь никому нет дела до твоих любовных походов. А Оливареса я беру на себя.

– Хорошо бы вообще камеры отключить, чтобы не подглядывали.

– Не беспокойся об этом. Ну, до вечера. Там и поговорим.

– Но ты все же скажи: отчего Оливарес именно тебя взял на работу?

– Ты разве не слышал? Меня рекомендовала одна солидная фирма.

– А-а, понятно...

– Что тебе понятно? Наша служба пользуется заслуженным авторитетом в Латинской Америке. Оливарес может не любить евреев, но Моссад он очень уважает, уверяю тебя. Я для него в первую очередь эксперт по безопасности, а не администратор. Кресло администратора в офисе – это для прикрытия.

– Авторитет, говоришь? А как насчет теракта в 1994 году, когда иранцы, как утверждает молва, взорвали Еврейский культурный центр: семиэтажное здание полностью разрушено, 85 человек погибло и больше 300 человек получили ранения? Страшный удар по 300-тысячной еврейской общине. Не уберегли, выходит?

– Что было, то было. Урок для нас: врага нельзя недооценивать. Поэтому мы часто прибегаем к превентивным ударам, не обращая внимания на вопли международного сообщества. История моего народа пронизана идеей отмщения ненавистникам евреев, ибо от этого зависит наша судьба, само наше существование как нации. Об этом говорит и Тора, священное Пятикнижие. Мы не подставляем, как христиане, вторую щеку нашим обидчикам. Не будем

подставлять. На карту поставлено слишком многое, чтобы позволить себе беспечность и мягкотелость. Мы не альтруисты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.